Спутница

Шелковой юбкой шурша,
Четко стуча каблучками,
Ты выбѣгаешь дышать
Утромъ, морскими парами.

Мать еще спитъ, ты одна...
Палубу моютъ, смолою,
Темная, пахнетъ она,
Море — соленою мглою.

Мглистая свѣжесть кругомъ
Смѣшана съ золотомъ жаркимъ
Ранняго солнца, съ тепломъ,
Съ моремъ цвѣтистымъ и яркимъ.

Только что вымытыхъ рукъ
Крѣпко и нѣжно пожатье,
Въ радостномъ взглядѣ — испугъ
За башмаки и за платье:

Съ шваброй разутый матросъ
Лѣзетъ, не выспавшись, чортомъ...
Льется, горитъ купоросъ,
Сине-зиловый, за бортомъ...

Ахъ, но на сердцѣ тоска.
Скоро Аѳины и скоро
Только кивнешь ты слегка
Съ полуопущенными взоромъ.

Ив. Бунинъ.

1907.

Замѣтки о „Запискахъ"

(«Современныя Записки» кн. XVI-я)

Вышла XVI-ая книжка «Современныхъ Записокъ», подобно предыдущимъ — богатая и разнообразная по содержанію и разумно эклектичная. Руководители журнала, издаваемаго опредѣленной политической группой, поняли съ самаго начала, что въ особыхъ условіяхъ эмиграціи изданіе ихъ должно служить не только защитѣ, развитію и пропагандѣ извѣстной общественной и политической идеологіи, но также и обще культурнымъ цѣлямъ, въ частности — сохраненію и собиранію цѣнностей потрясенной русской культуры. Въ области политическихъ сужденій журналъ держался опредѣленнаго направленія; но въ отдѣлахъ философскомъ, художественномъ, критическомъ непремѣнно царствовала почти безграничная свобода мнѣній и оцѣнокъ. Отсюда, нѣсколько эклектичный и академичный обликъ «Современ. Записокъ». Но это — эклектизмъ сознательный и цѣлесообразный; въ немъ значеніе журнала и существо выполняемой имъ въ «заграничной» Россіи роли.

Конечно, здѣсь имѣется грань, которую легко перейти; не всегда редакторамъ удается сохранить равновѣсіе и найти равнодѣйствующую. Такъ, предпослѣдняя, 15-ая, книжка свидѣтельствовала объ усиленіи вліянія въ журналѣ того московско - берлинскаго религіознаго теченія русской мысли, которое представляютъ Степунъ, Лосскій, Франкъ, Ильинъ, Карсавинъ, Бердяевъ. Изъ-за «Современ. Записокъ» выглянула вдругъ былая «Русская Мысль». Въ 16-ой книжкѣ редакціи пришлось поэтому нѣсколько «переложить руль»: этимъ именно стремленіемъ возстановить нарушенное равновѣсіе, мы и обязаны вѣроятно усиленіемъ значенія въ отчетной книжкѣ политико-экономическаго отдѣла и, въ частности — двумя теоретическими статьями, посвященными М. В. Вишнякомъ и И. М. Хераскову защитѣ и обоснованію демократизма.

Въ беллетристическомъ отдѣлѣ продолжаетъ печататься «Золотой узоръ» Бориса Зайцева. Романъ обладаетъ однимъ достоинствомъ: съ первыхъ же главъ читатель знаетъ, что будетъ дальше, какъ будутъ вести себя персонажи, ибо персонажи эти намъ давно уже знакомы, со времень Чехова, и даже — Боборыкина. Мы ихъ неоднократно встрѣчали. Тутъ и чудаковатый отецъ (совсѣмъ подъ Чехова), и мужъ, мѣшковатый, но добрый, благородный, профессоръ «читаетъ мистиковъ», и сама героиня (отъ лица которой ведется разсказъ), пѣвица, талантливая, мятущаяся, нѣсколько легкомысленная, и старѣющій эстетъ, собиратель гравюръ и медалей, и художникъ, талантливая, но грубоватая натура, купила. Конечно, пѣвица имъ увлекается... ѣдутъ въ Парижъ... разочарованіе... Все это разсказано съ жеманной подчасъ простотой. Мы-ли измѣнились? Зайцевъ-ли? Не знаю; но лѣтъ пятнадцать тому назадъ подобные «лирическіе» романы съ «интеллигентскими» персонажами — весьма нравились. Теперь они не убѣждаютъ и не радуютъ.

Продолженіе романа Ф. А. Степуна — «Николай Переслѣгинъ», печатавшагося въ двухъ предыдущихъ книжкахъ журнала, перенесено на 17-ую книгу. Сознаюсь: перерывъ этотъ не очень огорчилъ меня. Степунъ умный и интересный философъ, человѣкъ широкой культуры, но... онъ — не художникъ: жалко и въ то же время смѣшно смотрѣть, какъ бьется онъ надъ художественной формой, не въ силахъ ею овладѣть и одарить свои образы жизнью. Николай Переслѣгинъ умеръ, конечно, и *статьи* его я прочелъ бы съ большимъ удовольствіемъ; рефераты его вѣроятно очень хороши, но любовныя его письма — нестерпимы по претенціозности своей, по напыщенности и вмѣстѣ съ тѣмъ мертвенной какой - то разсудочности. Стиль надуманно красивый, въ постоянныхъ завитушкахъ: словечка человѣкъ «не вымолвитъ въ простотѣ»; нѣкоторыя же фразы производятъ впечатлѣніе злой пародіи, напримѣръ: «Цѣлостность моей воли къ порабощенію Твоей совѣсти моимъ взглядомъ на жизнь была, быть можетъ, впервые, надломлена»... Форма дневника или переписки, одна изъ наиболѣе трудныхъ, неопытнымъ же романистамъ она кажется самой удобной и легкой: не представляетъ ли она полной свободы? Но въ этой именно свободѣ и таится вся опасность: нужно преодолѣть искушеніе ея и самому чутьемъ, тактомъ поставить себѣ предѣлы и границы.

Непосредственно вслѣдъ за романомъ Зайцева идутъ превосходные очерки Минцлова «За мертвыми душами». Это не чистая беллетристика, скажутъ мнѣ, скорѣе очерки дѣйствительности; но вѣдь въ этихъ очеркахъ, въ этихъ портретахъ чудаковатыхъ помѣщиковъ, набросанныхъ просто, небрежно, какъ будто шутя, больше подлиннаго искусства, больше острой выдумки и тонкой наблюдательности, бытовой и психологической, чѣмъ, хотя бы въ уныло - глубокомысленныхъ разсужденіяхъ Переслѣгина и въ поэтическихъ изліяніяхъ героини Б. Зайцева.

Къ художественной литературѣ я отнесъ бы также «отклики старинной Москвы» Андрея Бѣлаго, рядъ восхитительныхъ характеристикъ: «Литературно художественный кружокъ», «Боборыкинъ», «Бердяевъ», «Гершензонъ»; не то моментальныя фотографіи, не то импрессіонистическіе рисунки.

Сочно, а иногда чрезмѣрно густо написана бытовая повѣсть І. Матусевича, «Куричья коса». Упомяну еще незначительную вещь Б. Вышеславцева — «Парижъ» и два превосходныхъ стихотворенія Вл. Ходасевича.

Философія представлена въ этой книжкѣ «Тайной Мудростью Востока» Мережковскаго (продолженіе). Послѣ «Египта», напечатаннаго въ «Окнѣ» — «Вавилонъ»: невольно вспоминается извѣстная эпиграмма Буало на Карнейля: «après Agésilas - Hélas! Mais après Attila-Holla!» Странная смѣсь общеизвѣстныхъ данныхъ сравнительной исторіи религіи, мистическихъ схемъ и, изрѣдка, удачныхъ художественныхъ образовъ. Поражаетъ мѣстами безвкусіе Мережковскаго: насколько нужно быть лишеннымъ художественнаго такта, чтобы цитировать по поводу Вавилона... «Записки изъ подполья» и заключить слѣдующей фразой: «Подпольный человѣкъ родился въ Вавилонѣ. Вавилонъ первый понялъ, «что разломать иногда что-нибудь даже очень пріятно» — и разломалъ Египетъ. Египетъ сломанный, Египетъ, возлюбившій страданіе больше, чѣмъ благоденствіе, и есть Вавилонъ»...

Послѣ подобной мистической мѣшанины съ особымъ удовольствіемъ берешь въ руки ну хотя бы Вольтера: замѣчательно «выпрямляетъ».

Съ большимъ интересомъ читается блестяще написанный, остроумный, пропитанный горечью и злой ироніей очеркъ М. А. Алданова — «Убійство Урицкаго» (къ пятилѣтію), возстанавляющій предъ нами своеобразный, влекущій образъ молодого Каннегиссера.

Чрезвычайно цѣнный фактическій матеріалъ даютъ статьи: К. Грюнвальда — «Рабочее движеніе въ Англіи», А. М. Михельсонъ — «Итоги 12-го съѣзда коммунистической партіи», В. Руднева — «Россія въ Гамбургѣ» и В. Ф. М. — «Система Малой Антанты». Объективно и трезво, на мой взглядъ, разсматриваетъ А. В. Пѣшехоновъ глубокую соціальную трансформацію, переживаемую Россіей.

Широко ставитъ проблему свою теоретическая статья М. В. Вишняка — «Оправданіе демократіи»; въ ней есть однако, полемическій уклонъ (противъ двухъ «софійцевъ» антидемократовъ — Карсавина и Бердяева), лишь затемняющій существо вопроса; по правильнымъ представляется мнѣ утвержденіе авторомъ демократіи, лишь какъ *формы*, могущей быть въ ходѣ историческаго процесса заполненной *любымъ* содержаніемъ. На той же точкѣ зрѣнія стоитъ въ сущности и Ив. Херасковъ, авторъ статьи «Демократія и современность».

Среди рецензій слѣдуетъ выдѣлить: замѣтку о книгѣ Григ. Ландау — «Сумерки Европы», Ловицкаго — о трудѣ проф. Васильева — «Пространство, время и движеніе», Степуна — о «Сентиментальномъ путешествіи» В. Шкловскаго.

Б. Шлецеръ.

Проблемы современнаго знанія

О пароптическомъ зрѣніи

Около трехъ лѣтъ тому назадъ, въ небольшой, посвященной странное названіе — «Le sens paroptique et la vision extra-rétinienne» *) брошюрѣ, никому до того неизвѣстный профессоръ философіи одного изъ провинціальныхъ лицеевъ, Луи Фаригуль повѣдалъ о сдѣланномъ имъ замѣчательномъ открытіи, открытіи существованія «пароптическаго зрѣнія», иными словами возможности *видѣть безъ помощи глазъ*.

Фаригуль описывалъ произведенные имъ многочисленные опыты. Утверждалъ, что, — экспериментируя, сначала надъ самимъ собой, потомъ и надъ другими ему удалось, сначала при помощи гипноза, затѣмъ и безъ него, достигнуть такого напряженія вниманія, такой концентраціи сознанія — что даже съ закрытыми, завязанными, заклеенными глазами онъ самъ и его помощники способны были *видѣть* предметы, различать краски, даже фигуры, цифры, буквы. Болѣе того: даже *стѣны*, съ которыми онъ работалъ, способны были послѣ нѣсколькихъ сеансовъ видѣть и различать буквы. Даже читать крупный шрифтъ.

Фаригуль не ограничивался приведеніемъ этихъ, установленныхъ имъ, фактовъ. Онъ тутъ же развивалъ построенную имъ для объясненія ихъ теорію и естественный вопросъ — чѣмъ же мы въ такомъ случаѣ видимъ? отвѣчалъ, — не *видимъ кожей*. Кожа является тѣмъ оптическимъ аппаратомъ, который въ нужный моментъ способенъ до нѣкоторой степени замѣнить незрячіе, или закрытые, глаза. Кожа является по мнѣнію Фаригуля чувствительной не только къ раздраженіямъ механическимъ или термическимъ, но также и къ свѣтовымъ лучамъ. Или вѣрнѣе, не самая кожа—какъ собственно не кожа является чувствительной, — а особые нервные центры «глазки», въ ней расположенные; эти то глазки — рудиментарный оптическій аппаратъ, изъ котораго развился нашъ глазъ, конечно въ нормальномъ состояніи не дѣйствуютъ, они атрофированы — но ихъ можно вернуть къ жизни — что и удалось Фаригулю. Мы не будемъ, конечно, входить въ подробности теоріи Фаригуля — скажемъ только, что при кажущейся парадоксальности она ничуть не противорѣчитъ современной наукѣ. Напротивъ, существованіе такихъ рудиментарныхъ зачатковъ зрительнаго органа, «глазковъ» считается весьма вѣроятнымъ; утвержденіе это не является новостью — въ сущности авторомъ теоріи «глазковъ» является Герингъ — и не въ немъ, конечно, значеніе работъ Фаригуля.

Вдобавокъ, не слѣдуетъ, какъ это къ сожалѣнію слишкомъ часто дѣлаютъ противники Фаригуля смѣшивать двухъ совершенно разнородныхъ вопросовъ — вопроса о правильности *объясненія*, предложеннаго имъ (теоріи глазковъ) съ другимъ несравненно болѣе важнымъ — о самомъ существованіи объясняемаго явленія. Вѣдь совершенно ясно — или по крайней мѣрѣ должно бы было быть ясным — что никакой критикой *теоріи* Фаригуля нельзя опровергнуть его утвержденія объ открытіи имъ новаго *факта* — а именно, пароптическаго зрѣнія. Къ сожалѣнію, большинство противниковъ Фаригуля до сихъ поръ ограничивалось именно критикой теоріи.

Книга Фаригуля имѣла огромный успѣхъ — вызвала толки и обсужденія въ прессѣ и обществѣ; правда представители оффиціальной науки, Академія, Сорбонна, сочли ниже своего достоинства заняться экспериментальной провѣркой и критикой новаго ученія и только скептически отмахивались отъ предложеній автора его устроить, подъ ихъ научнымъ контролемъ серію опытовъ. Не будемъ ихъ слишкомъ винить — правда, казалось бы, что провѣрка утвержденій Фаригуля являлась прямымъ долгомъ названныхъ ученыхъ учрежденій — но тѣ, кто знаютъ, сколько заявленій о новыхъ «открытіяхъ» ежегодно поступаютъ на разсмотрѣніе академій наукъ не удивятся проявленному ими скепсису.

Правда и то, что à priori основанія для скепсиса были немалыя — слишкомъ ужъ невѣроятнымъ казалось утвержденіе Фаригуля — слишкомъ противорѣчило всѣмъ извѣстнымъ фактамъ. — Enfin, какъ говорилъ одинъ изъ физіологовъ, членовъ Академіи, si les aveugles pouvaient voir, cela se saurait.

Скептическое отношеніе еще больше усилилось, когда стало извѣстнымъ тождество загадочнаго Фаригуля съ извѣстнымъ писателемъ, поэтомъ и драматургомъ Жюлемъ Ромэнъ. Представители науки стали просто побаиваться — да не мистификація ли это? Не придумалъ ли Жюль Ромэнъ свое пароптическое зрѣніе съ единственной цѣлью — посмѣяться надъ Академіей и Сорбонной — если бы, паче чаянія, онѣ его открытіемъ серьезно заинтересовались, повѣрили ему? Слишкомъ свѣжо еще было воспоминаніе о памятникѣ Hégésippe Simon!

Вспомнили цѣлый рядъ прецедентовъ: «медіумовъ» и «исповидящихъ» въ состояніи гипнотическаго транса «видѣвшихъ» съ закрытыми и завязанными глазами, и на повѣрку оказывавшихся просто обманщиками, видѣвшими дѣйствительно, но такъ же какъ всѣ смертные, просто глазами.

Впрочемъ оговоримся, — проведенная между опытами Жюля Ромэна и сеансами ясновидѣнья аналогія была неправильной; въ томъ то и интересъ работъ Ромэна, что пароптическое зрѣніе — не ясновидѣнье, а *зрѣніе*, хоть и слабое, но зрѣніе; вдобавокъ оно ничуть и ничѣмъ не связано съ гипнозомъ и трансомъ. Какъ бы то ни было, продолжавшіеся — и съ неизмѣннымъ успѣхомъ — опыты Ромэна, все большій и большій интересъ къ его работамъ со стороны широкой публики заставили оффиціальную науку выйти изъ состоянія пассивнаго скепсиса. Ромэну было предложено устроить (въ декабрѣ 1922 г.) демонстрацію въ стѣнахъ Сорбонны. «Западней» называетъ этотъ сеансъ самъ Жюль Ромэнъ, ибо какъ выяснилось потомъ, устроенъ онъ былъ съ опредѣленной цѣлью—разоблачить Ромэна. Опыты конечно, не удались—и, несмотря на просьбу Ромэна, указывавшаго еще *до сеанса*, что онъ не надѣется на успѣхъ, такъ какъ въ опытахъ не могли участвовать его обычные сотрудники, и не было времени подготовить и обучить новыхъ — повторены не были.

Жоржъ Дюма, профессоръ физіологической психологіи Парижскаго Университета по окончаніи сеанса вполнѣ опредѣленно заявилъ, будто всѣ наблюдавшіяся явленія, чтеніе цифръ и знаковъ, объясняются крайне просто: свѣтъ проникаетъ сквозь надѣтую на глаза повязку, или проходитъ въ промежуткѣ, образуемомъ повязкой и носомъ. Въ доказательство своего утвержденія онъ самъ, надѣвъ повязку, читалъ и буквы и знаки. Пароптическое зрѣніе признано было — если не мистификаціей, то добросовѣстнымъ заблужденіемъ.

Пріятно было бы успокоиться на этомъ рѣшеніи, — но къ несчастью Жюль Ромэнъ не успокоился, и въ рядѣ опытовъ, произведенныхъ въ Hôpital Cochin, подъ контролемъ спеціалистовъ офтальмологовъ, привелъ неопровержимое по нашему мнѣнію доказательство реальности пароптическаго зрѣнія.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни трудно по заключенію проф. Дюма добиться того, чтобъ свѣтъ не проникалъ въ глаза, еще труднѣе повѣрить, чтобъ человѣкъ, глаза котораго *заклеены*, покрыты слоемъ ваты, а поверхъ ваты спеціально, по мѣркѣ изготовленными, тѣсно прилегающими къ носу, лбу и щекѣ деревянными, бархатомъ подбитыми очками могъ еще что либо видѣть.

Не можетъ быть рѣчи и о передачѣ мыслей, — къ тому же также отрицающейся современной оффиціальной наукой, — ибо буквы выбирались, наугадъ экспериментаторомъ, *не знавшимъ*, что на нихъ изображено, вкладывались въ фотографическую рамку, *подъ стекло*, дабы исключить возможность распознаванія ихъ путемъ осязанія, и въ такомъ видѣ передавались сотрудницѣ Ромэна. И опыты удавались.

Конечно, часто бывали ошибки — но совершенно ясно, что ошибки неизбѣжны; ошибки - иллюзіи бываютъ и неизбѣжно должны бывать каждый разъ, когда нормальныя условія воспріятія нарушены.

Я не буду утверждать, что Ромэну вполнѣ удалось доказать существованіе пароптическаго зрѣнія, такъ какъ онъ его понимаетъ. Еще менѣе можетъ считаться доказанной теорія «глазковъ». Но несомнѣннымъ мнѣ кажется, что отъ опытовъ его уже нельзя скептически отмахиваться, несомнѣннымъ является то, что существуетъ какой то доселѣ незнакомый, неизвѣстный — по крайней мѣрѣ современной наукѣ неизвѣстный—способъ воспріятія, и задачей сегодняшняго дня является, — путемъ болѣе точныхъ, болѣе систематическихъ чѣмъ это сдѣлано было самимъ Фаригулемъ опытовъ, — провѣрить его утвержденія и опредѣлить *природу* этого воспріятія — и прежде всего установить безспорно, является ли оно зрительнымъ. Быть можетъ — и лично я склоняюсь къ этому мнѣнію, описанныя Фаригулемъ явленія принадлежатъ къ той же области непосредственнаго воспріятія, къ которой относятся недавно изслѣдованныя докторомъ Вивье*) явленія «воспріятія пренатѣтвій» слѣпыми. Но объ этомъ, быть можетъ еще болѣе важномъ чѣмъ опыты Ромэна открытіи, мы поговоримъ въ другой разъ.

А. Р—овъ.

*) Revue Philosophique, Janvier-Février 1923.

Самоопредѣленіе народовъ

Louis Le Fur, Races, nationalités, etats, Paris 1922.

Національная идея играетъ въ международныхъ отношеніяхъ ту же роль, что идеи свободы личности и народнаго суверенитета во внутреннемъ строѣ современныхъ государствъ. Въ обоихъ случаяхъ имѣется та же потребность «раціонализировать» стихійно - исторически создавшуюся общественную организацію, подыскать сознательное, «разумное» основаніе фактамъ властвованія, возникшимъ внѣ всякаго «разума», и тѣмъ самымъ создать высшій регулятивный принципъ для будущаго сознательнаго устроенія человѣчествомъ своихъ судебъ. Если идея власти народа — совокупности свободныхъ и равныхъ личностей — надъ самимъ собою даетъ такой принципъ для внутренняго государственнаго устройства, то идея внѣшняго самоопредѣленія народовъ даетъ такой же принципъ для распредѣленія населенія и территорій между отдѣльными государствами. Въ обоихъ случаяхъ усвоеніе данной идеи является гигантскимъ шагомъ впередъ на пути изъ мрака животной стихіи къ свѣту свободнаго творчества.

Но опять таки въ обоихъ случаяхъ наступаютъ тѣ же фатальныя послѣдствія столкновенія раціоналистической идеи съ «иррраціональной» дѣйствительностью. Сама по себѣ она можетъ служить лишь путеводной звѣздой, никогда недостижимой, и вопросъ о томъ, какъ къ ней приблизиться и что именно въ данныхъ условіяхъ является такимъ «приближеніемъ» — этотъ вопросъ разрѣшается лишь въ зависимости отъ всей многообразной совокупности исторической эмпирики. При всякой же попыткѣ непосредственно конкретно «осуществить» данную идею обязательно получается одно изъ двухъ. Или она оказывается несовмѣстимой вообще ни съ какимъ общественнымъ устройствомъ: «полная» свобода личности тождественна анархіи, а «непосредственная» власть народа — перманентной революціи. Или же, наоборотъ, идея обращается въ фикцію, «обосновывающую» съ тѣмъ же успѣхомъ любую общественную организацію и служащую фиговымъ листкомъ для прикрытія любыхъ интере-

КАКЪ Я БЫЛЪ КОВБОЕМЪ*)

(Воспоминанія русскаго рабочаго)

Тысяча девятьсотъ четырнадцатый годъ и начало пятнадцатаго были очень тяжелыми для рабочихъ въ Америкѣ. Наступилъ острый рабочій кризисъ. Изъ города въ городъ, изъ штата въ штатъ двигались толпы людей, ищущихъ работы, плохо одѣтыхъ, полуголодныхъ и усталыхъ.

Во всѣхъ конторахъ давали однообразный отвѣтъ: нѣтъ работы, — и такъ проходили дни, недѣли, мѣсяцы...

Наряду съ другими, я также рѣшилъ отправиться на поиски какой-нибудь работы. При такихъ обстоятельствахъ можно было разсчитывать только на необыкновенный случай, потому то, выбравъ наудачу цѣлью своей поѣздки г. Буффало (названіе котораго мнѣ просто понравилось), я помѣстился «зайцемъ» въ товарномъ вагонѣ. Тамъ оказалось еще двое русскихъ, такихъ же, какъ я, ѣдущихъ попытать счастье. Добравшись до Буффало и проходивъ втроемъ цѣлый день въ тщетныхъ поискахъ работы, мы вечеромъ стали обходить салуны (такъ называются здѣсь простые кабачки) въ надеждѣ услышать тамъ что-нибудь о заработкѣ. И вотъ, зайдя въ одинъ грязный салунъ, мы случайно услышали разговоръ о томъ, что одна большая мясная фирма, имѣющая контору на Мэнъ-стритѣ, нанимаетъ ковбоевъ.

Выбирать не приходилось, и мы рѣшили заняться этимъ новымъ для насъ дѣломъ. Въ чемъ оно состояло, мы всѣ плохо себѣ представляли.

На другой день, рано утромъ, мы уже стояли у конторы мясной фирмы и ждали управляющаго. Кромѣ насъ у конторы ожидало еще нѣсколько человѣкъ; тутъ были испанцы, поляки, итальянцы. Послѣ долгаго напряженнаго ожиданія, наконецъ пришелъ управляющій и спросилъ, что надо. Мы объявили о своемъ желаніи напяться въ ковбои. Тогда управляющій сказалъ намъ, что ковбой долженъ имѣть опредѣленный ростъ и вѣсъ, умѣть стрѣлять, что работа ковбоя очень трудная и опасная и что намъ придется ѣхать далеко отсюда, въ Новую Мексику. Когда мы отвѣтили, что готовы на все, намъ сейчасъ же, тутъ же въ конторѣ, произвели испытаніе. Въ комнатѣ было все нужное для стрѣльбы. Мнѣ пришлось одному изъ первыхъ стрѣлять въ мишень и, не долго думая, я поднялъ револьверъ и нажалъ курокъ. Пуля пролетала довольно близко отъ центра мишени, и мою стрѣльбу признали удовлетворительной. Меня измѣряли и приняли на службу. Приняли и еще нѣсколько человѣкъ. Забраковано было двое: одинъ итальянецъ за трусость при стрѣльбѣ (онъ отвернулся, стрѣляя въ цѣль) и одинъ полякъ за близорукость. Послѣ испытанія, со всѣхъ насъ принятыхъ сняли мѣрку и отправили телеграмму, чтобы намъ заготовили одежду. Въ тотъ же день насъ посадили въ поѣздъ, сдавъ по счету кондуктору, который заперъ насъ въ вагонѣ, чтобы мы по дорогѣ не разбѣжались.

Наше новое путешествіе обошлось благополучно. Сначала мы ѣхали поѣздомъ по широко-колейной дорогѣ, потомъ насъ пересадили на узко-колейную, такъ называемую скотскую, предназначенную для мѣстной перевозки скота въ Новой Мексикѣ. Наконецъ, желѣзныя дороги кончились и мы очутились въ горахъ Мексики.

Дальше намъ предстояло отправиться вглубь горъ. Вскорѣ пріѣхалъ длинжанъ и забралъ насъ, какъ багажъ, со станціи. Мы стали приглядываться къ окружающему. Мѣстность была песчаная, изрѣдка попадались мелкіе, колючіе кустарники. Всюду, куда хваталъ глазъ, были горы, перерѣзанныя глубокими оврагами. Мы пріуныли и начали говорить между собою по русски о томъ, что вотъ въ какія мѣста забросила насъ судьба. Вдругъ къ намъ обращается одинъ изъ сопровождавшихъ насъ ковбоевъ и спрашиваетъ по русски:

— Вы русскіе?

— Да, русскіе, отвѣчаемъ мы ему.

Онъ очень обрадовался и разсказалъ, что прошло уже пятнадцать лѣтъ, какъ онъ сталъ ковбоемъ и что въ первый разъ за это время встрѣчается съ русскими. Видя, что мы пріуныли, онъ сталъ ободрять насъ. Говорилъ, что жизнь будетъ свободная, что бояться намъ нечего, такъ какъ онъ будетъ надъ нами старшій.

Разговаривая такимъ образомъ, мы и не замѣтили, какъ подъѣхали къ поселку. Поселокъ состоялъ изъ десятка очень убогихъ домишекъ, построенныхъ изъ глины, около которыхъ толпились грязныя женщины и дѣтишки и бѣгали куры. Вся рухлядь была вынесена изъ домовъ и разложена вокругъ для просушки на солнцѣ. Сравнительно хорошо выглядѣлъ только одинъ домъ, гдѣ помѣщался салунъ. Въ верхнемъ этажѣ этого дома былъ отель для пріѣзжающихъ, какъ свидѣтельствовала висѣвшая на немъ вывѣска.

Здѣсь былъ конецъ нашего путешествія. Ковбой — русскій, съ которымъ мы разговаривали въ дорогѣ, пригласилъ насъ пойти въ салунъ выпить виски. А гдѣ есть виски, тамъ нѣтъ горя. Выпивъ, мы еще больше разговорились и разузнали много новаго. Оказалось, что салунъ содержитъ Компанія (мясная фирма, которая насъ наняла) и что своимъ ковбоямъ въ салунѣ все отпускается безплатно.

Изъ салуна мы прошли въ контору, гдѣ намъ дали подписать контракты и зачислили насъ со дня пріѣзда на работу. Одежда для насъ была уже готова. Намъ тутъ же выдали все, кромѣ нижняго бѣлья: ковбойскія рубашку и куртку, пару штановъ, одни изъ матеріи, другіе изъ бараньей кожи, мѣхомъ наружу, которые надѣваются для ѣзды на лошади. Шляпа съ широкими полями, сапоги съ большими шпорами, два револьвера съ поясомъ, полнымъ патроновъ, дополняли этотъ костюмъ.

Получивъ все это, мы отправились въ казарму для ковбоевъ. На слѣдующій день, съ утра, должно было начаться наше обученіе.

Казарма для ковбоевъ, куда насъ привели, представляла изъ себя большой сарай, по стѣнамъ котораго были расположены нары съ грязными мѣшками, набитыми сѣномъ, поверхъ которыхъ были наброшены легкія одѣяла. Одѣяла были такія грязныя, что должно быть никогда не видѣли воды. Подушки выглядѣли такъ, что трудно было рѣшиться положить на нихъ голову даже людямъ привычнымъ. Самая казарма была невообразимо грязная. Полъ, повидимому, никогда не мыли. Намъ объяснили, что воды было мало и доставлять ее было очень трудно, такъ какъ приходилось возить изъ артезіанскихъ колодцевъ, расположенныхъ довольно далеко. А ковбой, нужно сказать, самый лѣнивый человѣкъ на свѣтѣ. Незанятый обязательной работой, онъ можетъ цѣлый день жевать табакъ, курить и плевать. Въ послѣднемъ онъ достигъ большого искусства. Каждый вершокъ пола хранилъ на себѣ слѣды плевковъ.

Спятъ ковбои не раздѣваясь, даже не любятъ разуваться, потому что всякій трудъ, который не оплачивается, считаютъ непроизводительнымъ.

Въ воздухѣ висѣли густой табачный дымъ и ругань.

Въ сторонѣ, недалеко отъ казармы, находилась столовая, такая же грязная. Пищу готовили негры, поваръ и его два помощника. Кормили въ общемъ очень хорошо, если не считаться съ неопрятностью приготовленія пищи. Въ разведеніи грязи негры могутъ соперничать даже съ ковбоями.

Проснулись мы, новички, на другой день очень рано. Нѣкоторые, съ непривычки къ такой обстановкѣ, почти совсѣмъ не спали. Съ первыми лучами солнца, насъ, уже одѣтыхъ въ ковбойское платьѣ (наше собственное мы запаковали и сдали на храненіе), повели къ осѣдланнымъ лошадямъ и стали учить, какъ нужно съ ними обращаться. Началась наша новая жизнь.

Каждому изъ насъ выдали по волосяному аркану, такъ называемому лассо. Умѣніе пользоваться лассо составляетъ, пожалуй, самую важную часть въ обученіи ковбоя. Вначалѣ обученіе вообще состояло изъ ряда издѣвательствъ надъ новичками — идешь, а вдругъ, изъ-за угла взвивается лассо, обвиваетъ васъ и валитъ на землю. Послѣ того, какъ мы дали два-три раза энергичный отпоръ, эти шутки съ нами прекратили.

Упражненія съ лассо начинаются такимъ образомъ. Имѣется зарытый глубоко въ землю столбъ. Упражняющійся долженъ на всемъ скаку лошади накинуть на столбъ лассо, которое стремительно натягивается несущейся лошадью, рѣзко останавливающейся бокомъ къ столбу. При этомъ нужно много умѣнія держаться на лошади, чтобы не вылетѣть изъ сѣдла.

Когда мы научились набрасывать лассо на столбъ, насъ стали учить набрасывать лассо на животныхъ. Это было очень трудно и опасно. Чуть сдѣлаешь невѣрное движеніе, тебя срываетъ съ лошади

*) *Давая, и весьма охотно, мѣсто настоящихъ записокъ, редакція не предлагаетъ читателю произведеніе новѣйшей литературы. То написано съ совершенной и чрезвычайной простотой разсказъ о подлинно пережитомъ. Извѣстный французскій писатель Пьеръ Макъ Орланъ недавно обрисовалъ типъ «пассивнаго авантюриста», который, не тронулся съ мѣста, творитъ свой дикообразный вымыселъ. Нашъ авторъ, напротивъ, «авантюристъ активный», умѣющій изображать дѣйствительныя свои приключенія съ безстрастностью. Русскій ковбой — мыслитъ. Онъ скорѣе герой*

„Volja Rossii". **РЕД.**

Gérant : A. DELBARY.